

В давно пустовавшей подсобке стоял неприятный запах пыли и плесени.

На этом фоне свежий аромат, исходивший от прижатого к стене юноши, ощущался еще отчетливее.

Он напоминал запах трав и деревьев на природе или согретого солнцем хлопкового одеяла, с легкой ноткой сладкого попкорна, дарящего чувство уюта.

Дыхание мужчины становилось все тяжелее.

Он почти уткнулся носом в белую кожу на затылке юноши, словно хищный зверь, обнюхивающий добычу и втягивающий сладость из-под кожи.

Дыхание было обжигающим, вызывало зуд.

— Что там?

— Не Второй. Никого нет.

Два приглушенных голоса, затем еще несколько звуков открывающихся и закрывающихся дверей — одни ближе, другие дальше.

Чжун Нянь затаил дыхание, все его внимание было сосредоточено на происходящем снаружи. Он боялся, что следующей дверью, которую решат проверить, окажется именно эта.

Когда он увидел тень под дверной щелью, означавшую, что кто-то стоит прямо перед входом, сердце его замерло от напряжения. Он перестал дышать, а мужчина, зажимавший ему рот, продолжал как пес обнюхивать его сзади.

— Ладно, наверное, крыса. Пошли обратно к делу.

Вскоре люди снаружи ушли, вернувшись в свою комнату.

Чжун Нянь с огромным облегчением выдохнул прямо в ладонь мужчины, отчего та стала влажной.

Он дернул рукой, давая понять, чтобы его отпустили.

— Не дергайся.

Мужчина прошептал с придыханием:

— Попадемся — будет худо.

— ...

Сердце Чжун Няня постепенно успокаивалось.

— Я сразу заметил, что ты ведешь себя подозрительно, подслушиваешь. Что задумал? — снова спросил мужчина.

Поскольку руки Чжун Няня были прижаты, а рот закрыт, он мог лишь дважды постучать пальцами по бедру мужчины позади себя, подавая знак.

Хотя бы рот пусть отпустит, как он иначе ответит?

Мужчина втянул воздух и злобно прошипел:

— Прекрати меня соблазнять.

Чжун Нянь: "...?"

Совсем больной, что ли.

Не вытерпев, он со всей силы наступил мужчине на ногу.

У кроликов задние лапы очень сильные. Если он вкладывал всю силу в удар ногой, мало кто мог это выдержать.

Как и следовало ожидать, мужчина охнул от боли, и хватка его ослабла.

Чжун Нянь, воспользовавшись моментом, быстро вырвался и отпрыгнул подальше, развернувшись лицом к еще не пришедшему в себя мужчине и вглядываясь в него в полумраке.

— Чжань Лу, ты специально меня пугаешь?

Разоблаченный мужчина хмыкнул:

— Я тебя спас. Вместо благодарности ты наступаешь мне на ногу.

Чжун Нянь спросил:

— А ты что здесь делаешь?

Чжань Лу схватил его за руку:

— Сначала уходим.

Они вместе тихо покинули это место. Чжун Нянь не знал, как Чжань Лу вел его: несколько поворотов, вниз по лестнице, еще немного — и они оказались прямо у его каюты для персонала.

— Щелк.

Зажегся холодный белый свет, осветив слегка потрепанный вид Чжун Няня.

После целого дня работы и лежания в пыльной подсобке его безупречная форма и личико стали грязными, словно кролик, извалявшийся в пыли, с шерсткой, покрытой грязью.

Чжун Нянь вытер пот с кончика носа и стал еще грязнее.

Не замечая этого, он продолжал допытываться ответа на свой вопрос.

Чжань Лу, убирая паутину с его волос, сказал:

— Я просто искал место покурить и увидел, как ты крадешься. Лучше ты скажи, что ты там подслушивал?

Чжун Нянь открыл было рот, но заколебался:

— Ничего. Я пойду в душ. Уходи давай.

Выпроваживая гостя, он начал раздеваться прямо в каюте.

Сначала снял маленький жилет, бросив его на стул, затем расстегнул черную бабочку на шее, потом — две пуговицы рубашки.

Под белоснежной тканью показались изящные, словно выточенные из нефрита, ключицы, длинная и прекрасная линия шеи. Если бы он расстегнул еще пару пуговиц, то можно было бы увидеть...

— Ты почему еще не ушел?

Мужчина, стоявший как вкопанный с отсутствующим видом, резко очнулся и увидел, что Чжун Нянь, застыв с пальцами на третьей пуговице, недовольно смотрит на него своими миндалевидными глазами.

Чжань Лу сглотнул, зажмурился, развернулся и вышел большими шагами, громко хлопнув дверью.

— Ну и характер.

Проворчал Чжун Нянь, снял оставшуюся одежду и голышом пошел в ванную.

Условия в душевой для экипажа были так себе, но лучше, чем ничего.

Вероятно, из-за позднего возвращения горячей воды осталось мало. Чжун Нянь мылся, чувствуя, как вода становится все холоднее, и в итоге наспех ополоснулся, обернул бедра полотенцем и вышел.

Первым делом он хотел найти пижаму, но, сделав пару шагов, застыл в изумлении.

В комнате был кто-то еще.

Неизвестно, когда он вошел, и теперь сидел на корточках у другого шкафчика, что-то там перебирая.

Он уткнулся головой вниз, сгорбив спину, весь его вид был до того пугливым, что напоминал воришку.

Если бы не сине-белая форма матроса, Чжун Нянь подумал бы, что к нему забрался вор.

— Привет, ты мой второй сосед по каюте? — спросил Чжун Нянь, подойдя ближе.

Он был настроен дружелюбно, но собеседник вел себя крайне отстраненно: даже не взглянул на него, опустил голову еще ниже, так что длинные волосы почти закрывали половину лица. Однако было отчетливо видно, как его уши, торчавшие из-под темных волос, наливаются кровью.

— Т-ты сначала оденься... — раздался еле слышный шепот.

Только теперь до Чжун Няня дошло, что его нынешний вид не очень-то приличен, и он

покраснел.

Он быстро нашел и надел пижаму, сказав:

— Извини, я думал, что здесь живу один, и не взял одежду с собой. Ты же не против? Мы оба парни.

— Лучше все-таки одеваться... — пробормотал сосед, все так же сжимавшийся у шкафчика, но наконец встал и повернулся. Чжун Нянь заметил, что он довольно высокий, просто привык сутулиться и горбиться.

— Хорошо, впредь буду внимательнее. — Чжун Няню стало немного неловко при мысли, что он так разгуливал перед человеком, словно эксгибиционист какой-то.

Они обменялись именами, и Чжун Нянь узнал, что его соседа зовут Кэ Чжэнчу.

Кэ Чжэнчу был матросом второго класса, занимался обслуживанием и уборкой палубного оборудования. Он тоже был новичком на корабле и впервые вышел в море.

Поговорив совсем немного, Чжун Нянь понял, что его сосед действительно очень боится людей: говорил очень тихо, всегда смотрел вниз, не смея поднять глаз, и весь напрягался, стоило подойти чуть ближе.

Чжун Нянь отодвинулся подальше и заметил, что тот немного расслабился.

— Ты еще не мылся? Иди скорее, а то горячей воды может не хватить.

Кэ Чжэнчу кивнул, собрал банные принадлежности и одежду и ушел.

Чжун Нянь как раз стелил постель, когда сосед вернулся.

— Тебе не кажется, что кровать ужасно жесткая? Я все одеяла из шкафа подстелил, все равно твердая. Я точно ночью не усну...

Чжун Нянь просто пожаловался вслух, а когда поднял глаза, увидел, что сосед уже несет свой матрас, чтобы подстелить ему.

Чжун Нянь в изумлении посмотрел на кровать напротив: там не было ничего, кроме тонкой простыни и одеяла.

— Ты что, прямо на досках спишь?

Кэ Чжэнчу кивнул:

— Мне так нравится.

— Правда что ли? Ты себя не мучай, не надо через силу. — Чжун Нянь несколько раз переспросил и, хотя получил утвердительный ответ, не очень-то поверил, решив, что сосед просто очень добрый.

— Чжэнчу, ты такой хороший. Спасибо тебе. — Растроганный Чжун Нянь взял его за руки, горячо благодаря, как вдруг почувствовал что-то неладное под пальцами.

Недолго думая, он перевернул запястье соседа и замер с широко раскрытыми глазами.

Запястье было исполосовано вдоль и поперек следами порезов острым предметом: глубокие и неглубокие, свежие и старые. Самый страшный порез, видимо, недавно намочивший в воде, побелел, края раны разошлись — зрелище было душераздирающим.

Кэ Чжэнчу вздрогнул и резко выдернул руку, спрятав ее за спиной.

— Ты... — Чжун Нянь хотел спросить, но, увидев, что тот явно не желает говорить, сдержался. — Как же ты мылся, не заклеив рану? Так будет только хуже. Я, когда руку жал, наверное, тоже надавил. Больно?

Чжун Нянь корил себя за невнимательность, его влажные глаза были полны искреннего сожаления и заботы, он бессознательно кусал алые губы.

В этом виде, в мягкой пижаме, с еще не до конца высохшими серебристо-белыми прядями, прилипшими к лицу, он казался совершенно безобидным и чистым.

Под завесой волос черные глаза Кэ Чжэнчу мерцали каким-то странным, переменчивым светом.

Спрятанные за спиной руки были заняты: большой палец снова и снова тер, раздирал рану на другом запястье.

Знакомая боль разлилась волной, но почему-то под обеспокоенным взглядом юноши сердце его билось быстрее, а кровь была горячее, чем когда-либо.

Это было гораздо приятнее, чем причинять боль самому себе.

<http://bllate.org/book/17225/1611978>